



**НАУЧНАЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ
В РАБОТЕ
ИНСТРУМЕНТ ИЛИ ОРУЖИЕ**

П. А. Биргер

Научная эффективность в работе

«Фонд развития конфликтологии»

УДК 621.865
ББК 60

Биргер П. А.

Научная эффективность в работе / П. А. Биргер — «Фонд развития конфликтологии»,

ISBN 978-5-9909475-9-7

Монография посвящена рассмотрению современных проблем эффективности научных исследований в философском и историческом контексте. В фокусе оказываются сложные отношения науки с управляющими структурами, а также внутренние и внешние аспекты научной эффективности.

УДК 621.865

ББК 60

ISBN 978-5-9909475-9-7

© Биргер П. А.

© Фонд развития конфликтологии

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Биргер П. А., Дмитриев И. С., Куприянов В. А., Шиповалова Л. В. Научная эффективность в работе: инструмент или оружие Монография

Предисловие

Вряд ли может вызывать сомнение то, что эффективность, понятая как способность и актуальность воздействия, характеризует науку по существу. Судим ли мы о данной характеристике изнутри науки, предполагая, что целью ученых является развитие собственной области исследования и знания вообще, или становимся на позицию общества в целом, возлагающего на результаты научной деятельности оправданные надежды, под эффективностью всегда подразумевается средство достижения целей. Более того, это средство, незаметно и незаменимо работающий инструмент, оказывается условием взаимодействия всех тех, кто в том или ином смысле связан с созданием научных идей и их воплощением.

Однако всякое средство, призванное служить посредником порой несовместимых интересов, оказавшись в руках одной из сторон, превращается в оружие, используемое против другой. Так и эффективность научной деятельности становится властным аргументом научного менеджмента, требующего превращения науки в экономически прибыльное дело, в условие формирования международного имиджа или укрепления внутренней стабильности; или же оружием научного сообщества, способного убеждать тех, кто владеет ресурсами, в необходимости поддержки того или иного проекта.

Превращение научной эффективности в оружие тем более очевидно, чем настоятельнее необходимость управления наукой, ее возрастающим воздействием на общество. Управление же тем более проблематично, чем сложнее и вариативнее (не) управляемая и развивающаяся по собственным законам научная деятельность. Кажется, простым выходом, воссоединяющим интересы, может стать использование системы такого представления научных результатов, которая будет служить для самих ученых адекватной репрезентацией их деятельности, а для менеджеров средством управления, т. е. оценки ее эффективности. Но две стороны системы оценки/репрезентации науки, подобно орудиям, направленным друг против друга, приводят к столкновению: количественные стандарты наукометрических процедур противопоставляются содержательным качественным характеристикам, а внешнее экономическое понимание эффективности, включающее и социально-политическую прагматику – внутренним мотивам и целям научной деятельности, собственному интересу ученых к науке как таковой.

Известно, что инструмент и даже оружие незаметны для тех, кто ими пользуется, пока они не перестают работать и выполнять свои функции. Проблема, стоявшая перед авторами настоящего текста, не только в том, что посредник с определенной закономерностью делается орудием власти, но и в том, что даже в данном качестве он дает сбой и выходит из-под контроля. Наукометрическая репрезентация научной деятельности и средство ее оценки превращается в самостоятельную силу и начинает трансформировать содержание научных исследований, изменять структуру научного сообщества, требовать все больше материальных и интеллектуальных ресурсов для поддержания собственной работоспособности. Современная ситуация понималась авторами как нарушение работы научной эффективности, а задача, поставленная ими перед собой, заключалась в том, чтобы найти пути устранения сбоя.

Пути эти различны. Их основанием оказываются уроки прошлого или позитивные примеры современности, социальные и эпистемологические концептуальные конструкции или факты провалов научной политики. Представляется тем не менее, что у этих путей одна цель – восстановление работы той научной эффективности, которая признается в первую очередь самими учеными, не оборачиваясь для них внешним требованием или системой оценки, под которую необходимо подстраиваться. Конечно описание, обоснование таких путей, успешное продвижение по ним ни в коей мере не исчерпывается отдельным текстом. Это предмет заботы и работы консолидированного научного сообщества, а оно само еще в определенном смысле не реальность, но регулятивный идеал. Тем не менее авторы монографии надеются, что смогли внести свой вклад в это движение, а также в сборку того сообщества, коему решать проблему, восстанавливая нормальную работу научной эффективности.

Следует выразить благодарность организациям, без участия которых данное исследование было бы невозможным: РГНФ (РФФИ ОГОН), поддержавшему проект «Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты», Ресурсному центру СПбГУ «Центр Социологических и Интернет-Исследований», на чьей базе проводился опрос сотрудников СПбГУ, подтвердивший многие гипотезы авторов относительно проблемы научной эффективности и давший материал для дальнейших размышлений. Необходимо высказать отдельную благодарность Ольге Васильевне Москалевой, советнику директора библиотека СПбГУ им. М. Горького, без ее консультаций и советов многие идеи этой работы не получили бы должного оформления. Хотелось бы поблагодарить и коллег СПбГУ, ИТМО, Центра социолого-научоведческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН, философского факультета МГУ и других организаций с которыми обсуждались темы и проблемы, представленные в настоящем тексте.

Л. В. Шиповалова

Глава 1

Проблема эффективности научных исследований: на пути к решению¹

Исследование проблемы научной эффективности должно предполагать ее разрешимость, включающую как теоретическое обоснование, так и основанные на нем практические действия. Конечно, было бы слишком большой претензией утверждать, что этот текст сможет определить все необходимые условия, а также описать детали пути к цели. Однако исследование следовало бы признать не только не результативным, но и бессмысленным, если бы в нем не был бы намечен такой путь, по крайней мере в контексте определенного истолкования самой проблемы и той концептуальной базы, которая выбирается для ее интерпретации. Обосновывая осмысленность предприятия, мы опишем кратко ряд шагов, которые необходимо сделать для его осуществления. О результативности же следует судить читателю, причем в первую очередь тому, кто решается на конкретные практические действия в этой области. Следует отметить, что за рамками данного пути остаются те теоретические разработки и практики, которые строятся на основании отсутствия проблемы, или, точнее на ее забвении, не принятии во внимание. В такой ситуации научная эффективность представляет собой двоякую задачу: для ученых – ее достижения, для научных менеджеров – ее измерения и стимулирования. Все это остается за рамками не в силу незначительности, а лишь потому, что может быть понято в своей конструктивности только в контексте разрешаемой проблемы.

В самом общем виде исследуемую проблему можно понять как противоречие между *внешним* требованием эффективности, предъявляемым к науке, и автономией как существенной характеристикой научной деятельности². Указанное противоречие выражается в так называемом кризисе институциональных взаимодействий или конфликте интересов сообщества ученых и иных социальных субъектов в поле науки. Среди таких субъектов особая роль принадлежит тем, кто осуществляет управление, обладая властным ресурсом принятия решений относительно научной деятельности, оказываясь проводниками *внешнего* требования эффективности, закрепляя своими действиями status quo академического капитализма и гетерономии. Проблему, таким образом, следует рассматривать как препятствие развития науки, основанное на отсутствии конструктивного взаимодействия всех общественных сил относительно эффективности научных исследований, а ее решение связывать с восстановлением взаимодействия или созданием условий для него.

Как удержать проблему или О предрассудке поспешности

Прежде всего следует подчеркнуть, что проблема не будет решаться, пока требование эффективности и сопровождающие его процедуры оценки будут истолковываться как внешние по отношению к научной деятельности, а гетерономия – абстрактно противопоставляться автономии. Осознание проблемы – понимание того, что автономия и эффективность в равной степени оказываются характеристиками научной деятельности, – должно сопровождаться стремлением удержать ее и разрешить. Однако не всегда действительно проблематичным оказывается то, что попадает в поле дескрипции или объяснения под таким именем. Это отчасти оправданно, ведь удержание проблемы и даже осознание ее существа – конфликта в основании

¹ Текст подготовлен при поддержке гранта РФФИ (ОГОН), Проект № 15-03-00572.

² Наука: испытание эффективностью / П. А. Биргер, И. С. Дмитриев, В. А. Куприянов, Л. В. Шиповалова. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. С. 9–76.

собственной деятельности – требует особой решимости и искренности. О такой решимости пишет Декарт в начале «Второго размышления», когда признается в готовности идти до конца в поиске необходимых условий очевидности, хотя для этого приходится поставить под вопрос то, что вселяло ранее уверенность и позволяло действовать³. Оба стремления – найти основания для мышления и практик, а также подвергнуть сомнению имеющийся фундамент знаний – на первый взгляд противоречат друг другу и потому провоцируют к поспешности, связанной с предпочтением одного или другого в качестве собственного и, соответственно, пренебрежением вторым. Данное предпочтение создает лишь видимость разрешения проблемы, но на самом деле приводит к тому, что она пропадает из поля зрения. В случае Декарта можно было пренебречь поиском очевидности, поспешив погрузиться в пучины скептицизма, не дойдя до понимания жеста сомнения как достоверного модуса собственного мышления. Или поспешить остановиться на промежуточной предпосылке рассуждения, предъявив ясность и отчетливость математических начал или напомнив раньше времени себе и читателю: все же Бог не обманщик. Тогда предложенное Декартом основание науки не было бы предельно достоверным, тем, за которое можно отвечать, будучи его субъектом.

Проблематизация оснований мышления в «Размышлениях» Декарта может служить конструктивной метафорой первого шага на пути решения проблемы эффективности научных исследований, которую мы определили как существенное противоречие между требованиями автономии и эффективности научной деятельности. В такой ситуации важно увидеть и удержать оба требования в их единстве и почти неразличимости, не пренебречь ни первым – как устаревшим и не отвечающим вызовам современности, ни вторым – как внешним, несущественным, лишь методическим, не имеющим отношения к содержанию и развитию науки. Именно это удержание проблемы не дает успокоиться на ее неокончательных решениях.

Практики научного сообщества, отвергающего рациональность эффективности, или, напротив, научного менеджмента, пренебрегающего автономией в погоне за результативностью науки, демонстрируют отчасти оправданное, но ограниченное поспешное решение проблемы, предполагающее выбор «позиции эффективности» либо «позиции автономии». В современной исследовательской литературе есть немало примеров обоснования такого выбора. С одной стороны, это демонстрация преимуществ академического капитализма и коммерциализации образования, когда условия конкуренции между университетами и между профессорами способствуют борьбе за собственную исследовательскую и преподавательскую идентичность⁴. Или же доказательство того, что научное сообщество в своей защите автономии оказывается верным утопическим ценностям прошлого и проигрывает, не желая выбирать будущее⁵. С другой стороны, это защита автономии, опирающаяся на подчеркивание негативного влияния требования эффективности, связанного по преимуществу с использованием количественных показателей ее оценки⁶.

³ Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 20–21.

⁴ Демин М. Университеты на рынке. Академический капитализм как вызов и как окно возможностей // Новое литературное обозрение. 2016. № 2(138). Хотя эксплицитно автор предполагает высказаться за конструктивность коммерциализации для сохранения и развития автономии, а имплицитно пишет о приспособлении автономии к требованиям эффективности, основание его позиции – демонстрация преимуществ «мягкого менеджериализма» эпохи предпринимательского университета по сравнению с жестким бюрократическим администрированием. В этом смысле объективно сложно не назвать подобный жест конструктивным.

⁵ Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). Пафос авторов данной статьи также можно проинтерпретировать и как принятие «позиции эффективности», и как провокацию для научного сообщества, мотивирующую его слышать больше, чем свою собственную аргументацию, противопоставленную аргументации другого.

⁶ Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 272 с.; Эрштейн Л. Б. Индекс цитирования как способ разрушения науки в России и мире. Влияние на научное руководство и образование // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2016. № 11. С. 97–101; Ученые и наукометрия. В поисках оптимума для России / Л. П. Чурилов и др. // Биосфера. Междисциплинарный научный и прикладной журнал. 2017.

Убеждение, которое все же в большей или меньшей степени разделяют представители научного сообщества, не только критикующие существующие системы оценки эффективности, но и предлагающие их усовершенствования, состоит в том, что без учета общественного воздействия и многообразных социальных связей понимание научной деятельности не будет полным. Наука, очевидно, не существует в башне из слоновой кости, а ее автономия не следует мыслить как отдельность и самодостаточность. Удержание проблемы должно сопровождаться *обнаружением теоретического и исторического основания* данного убеждения, то есть представлением необходимой взаимосвязи таких характеристик научной деятельности, как эффективность и автономия. Существенным при этом оказывается изменение в интерпретации термина «эффективность»: отказ от узкого понимания, связанного с экономическим смыслом разницы между доходом и вкладом в пользу широкого, включающего способность и актуальность воздействия научной деятельности на саму себя и на иные общественные и культурные практики современности.

Исторический анализ употребления концепта эффективности, в том числе в контексте дискуссий об общественном значении науки и образования, показывает, что его узкий экономический смысл возникает только к началу XX века. До этого эффективность была тождественна результативности, причем понималась часто не в утилитарном смысле конкретной пользы, но как альтернатива замкнутости и самодостаточности. С таким широким смыслом требования эффективности была связана, в частности, критика средневековых университетов и идея возникновения новых научных и образовательных учреждений в XVIII – начале XIX века. В эпоху становления немецкого классического университета эффективность отнюдь не противостояла новому пониманию автономии – следованию всеобщему интересу, но дополняла его⁷.

Теоретически включение эффективности в самоопределение науки, может быть продемонстрировано на нескольких уровнях. Первый следует назвать *внутринаучным*. Здесь воздействие на другого трактуется как условие первоначального признания идей, приобретающих в конкретном сообществе ученых статус распределенного и в пределе объективного знания⁸. Кроме того, от *объектов*, как бы они ни истолковывались в научном исследовании, также ожидается реакция в ответ на воздействие. Будет ли эта реакция подтверждающим догадку ответом или отпором и возражением, коль скоро научное исследование включает экспериментирование, своего рода тяжбу с реальностью, последняя оказывается полем проникновения эффектов научной деятельности. Также на данном уровне оправданно говорить об эффективности той или иной методологической стратегии, влияющей на развитие определенного направления исследований⁹. Все указанные эффективные процедуры могут быть названы *внутринаучными*, поскольку осуществляются еще до того, как построение знания завершено и определено в своем отношении к *внешнему*.

Второй уровень – *интертеоретический*, или *междисциплинарный*, где научное знание, будучи уже относительно завершенным, проходит процедуры обоснования, связанные с совместимостью различных теорий друг с другом¹⁰. Такого рода совместимость включает, по крайней

Т. 9, № 1. С. 1–12. Следует подчеркнуть, что в этих и иных публикациях, критический дух которых обосновывает по большей части существенность автономии, можно обнаружить и конструктивные предложения относительно управления наукой и оценки ее эффективности. Это позволяет сделать вывод о том, что, так же как и в предыдущих случаях оправдания позиции эффективности, речь не идет об односторонности; последняя скорее свойственна идеологическим текстам, чем научным и философским исследованиям.

⁷ Наука: испытание эффективностью. С. 9–46.

⁸ Записи и репрезентации процесса исследования посредством текстов – условие такого распределения и признания. Они фиксируют результат, стабилизируют объект и являются поводом обсуждения в научной группе.

⁹ См. об этом, напр.: Дмитриев И. С. Homo Mathematicus как эффективный менеджер природы // Мысль. 2015. № 19. С. 61–89.

¹⁰ Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975. С. 299.

мере имплицитно, производство эффекта, обоснование возможной значимости одной завершенной теории для других. Это действие обоснования и признания может быть понято как непосредственное применение в иных научных исследованиях, или как междисциплинарное взаимодействие. Практики междисциплинарности осуществляются непосредственно, формируя так называемые *зоны обмена* между соответственными дисциплинами, взаимно заинтересованными в результатах друг друга. Или для их осуществления требуется посредник, организующий коммуникацию путем перевода, транслирования результатов¹¹. На данном уровне, так же как и на предыдущем, эффективность в широком смысле слова признается в качестве существенной характеристики исследований самими учеными, входя в перечень современных критериев научности под именем интерсубъективности. Научное знание при этом, несмотря на собственную завершенность, не является закрытым.

Третий уровень – *внеаучный*, или *институциональный*, на котором больше всего очевидна и проблематична научная эффективность в качестве внешнего требования, однако и здесь эффективность нельзя не считать собственной характеристикой научной деятельности, коль скоро признается открытость науки взаимодействию с иными социальными институтами и закономерность ее заботы о собственной легитимации.

За этими тезисами о единстве и совместимости трудно не заметить фактичности существующего сегодня противоречия между целями науки и требованием эффективности с конкретными формами оценки, вынуждающими ученых подстраиваться под них, трансформировать свои исследования, менять способы их репрезентации. Потому следующим шагом на пути раскрытия проблемы научной эффективности должен быть анализ возникновения отчуждения этого требования от существа научных исследований. Удержание проблемы подводит к ее уточнению – в фокусе теоретического внимания и практического действия оказывается не просто противоречие характеристик, но тот необходимый комплекс обстоятельств, при котором требование эффективности *начинает осознаваться* противостоящим требованием автономии, приобретает *видимость* внешнего. Два образа пути, ведущего к такому отчуждению, могут быть описаны как дополняющие друг друга.

Отчуждение эффективности или о наукометрии как центре проблемы

Первый образ связан с представлением науки самой по себе, безотносительно к внешнему контексту ее бытия. Предварительный анализ уровней, где может быть обнаружено единство эффективности и автономии, показывает, что «превращение во внешнее» должно быть связано с *завершенностью* научной деятельности, со становлением объективированного научного знания, оказывающегося своего рода ответом на проблемные вопросы или решением задач. Формирование такого знания – одна из целей научной деятельности. «Задача любой науки – построение и развитие знаний. Опираясь на существующие программы исследования, реализуя их, наука ликвидирует незнание и получает знание. От незнания к знанию – вот путь науки»¹². Об этом же пишет и А. Эйнштейн, определяя в качестве позитивной причины научной деятельности стремление человека «создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. <...> На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые

¹¹ О термине «зона обмена», обозначающем в современных исследованиях науки поле конструктивных междисциплинарных взаимодействий см.: *Касавин И. Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки 2017. Т. 51, № 1. С. 8–17; *Galison P.* Trading with the enemy // Trading zones and interactional expertise: creating new kinds of collaboration / ed. by M. E. Gorman. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 25–52.

¹² *Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А.* Объект исследования – наука. М.: Новый хронограф, 2012. С. 52.

он не может найти в слишком тесном головокружительном водовороте собственной жизни»¹³. Следует отметить, что в этом пассаже Эйнштейн пишет о том, что такой мотив определяет деятельность не только ученого, но и художника, поэта, философа. Что, однако, отличает картину мира ученого, так это претензия на объективность языка науки и сформулированных на этом языке суждений. Причем объективность понимается как преодоление субъективности.

В результате такого преодоления происходит замена мира, самой реальности картиной, которую как будто никто не создавал. Если посчитать такую замену оправданной, картину достаточно полной, а преодоление субъективности завершённым, что-то существенное оказывается упущенным. Это существенное – два взаимосвязанных момента, также определяющие научную деятельность. Первый – субъект производства научной картины мира, внимание к которому позволяет удержать зазор между всегда неполной и всегда отчасти субъективной картиной и самим миром¹⁴. Второй – сама деятельность, условия производства картины, которые оказываются скрытыми за представленным результатом. В пространстве этих условий – неопределенность итога, бóльшая очевидность вопросов, чем ответов, открытость взаимодействию с различными заинтересованными участниками¹⁵. Внутреннее противоречие научной деятельности состоит в том, что подобное сокрытие столь же естественно, сколь необходимо выявление упущенного. Пограничным элементом, оказывающимся условием сокрытия, выступает представление завершённого научного знания для распоряжения и использования любым заинтересованным в этом представлении другим. Предполагается, что в своей заинтересованности в результатах научной деятельности другой освобожден от необходимости обращения к скрытому элементу субъективности научного знания и его производства и не обязан раскрывать производителю научного знания основания собственной заинтересованности. На основании отсутствия необходимости приводить эти интересы к взаимодействию и взаимной очевидности возникает возможность их несовпадения, и даже противоречия. Так возникает фигура *внешнего другого* и жест *внешнего требования* эффективности.

Второй образ того же пути определяется социальным контекстом бытия науки. Процессы ее институционализации с конца XVII века – возникновения первого научного журнала в 1665 году «Philosophical Transaction» – сопровождаются формализацией публикационной деятельности или научной коммуникации. Формы представления научных исследований в сети публикаций с этого времени претерпевают множество изменений, связанных с подчеркнутым значением процедур оценки исследования, а также с ролью журналов в институционализации определенного научного направления или в конкурентной борьбе за признание¹⁶. Однако в целом важность периодики как условия внутринаучной коммуникации не подвергается сомнению в современности¹⁷. Понимается ли научное сообщество как уже существующее или как регулятивная идея коммуникации, оно всегда связано с тем, что ученые пишут о результатах исследований и пишут не в стол¹⁸.

¹³ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: в 4 т. Т. IV. М.: Наука, 1967. С. 40.

¹⁴ В феминистской эпистемологии есть понятие «сильной объективности», смысл которого – всегда присутствующая необходимость продолжения работы над преодолением субъективности. Уровень обоснованности знания, авторитетность ученого или научной группы не являются гарантией отсутствия ангажированности и субъективности: это убеждение всегда должно сопровождать научную деятельность и не позволять подменять реальность любым сколь угодно доказанным научным тезисом. См. об этом: Harding S. «Strong objectivity»: a Response to the New Objectivity Question // Synthese. 1995. N 104. P. 331–349.

¹⁵ О двух составляющих научной деятельности, связанных с поиском ответов и возникновением вопросов, их трансцендентальном и эмпирическом обосновании, а также проявлении в системе социальных взаимодействий, см.: Шиповалова Л. В. Эффективность науки в горизонте конфликтов // Конфликтология. 2017. № 1. С. 159–173.

¹⁶ Kronick D. A. “Devant Le Deluge” and Other Essays on Early Modern Scientific Communication. Latham, MD; Oxford, UK: Scarecrow Press, 2004; Garfield E. Has Scientific Communication Changed in 300 Years? Current Contents. N 8. 1980. P. 5–11.

¹⁷ Price D. J. de S. Networks of Scientific Papers: The Pattern of Bibliographic References Indicates the Nature of the Scientific Research Front // Science. Vol. 149, iss. 3683. July 30, 1965. P. 510–515.

¹⁸ Юдин Г. Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. 2010. Том 9. № 3. С. 57–88.

Формирование сети научных публикаций происходит в интересах самого научного сообщества, которое получает возможность так называемой отложенной или непрямой коммуникации. Формализация этой сети, осуществляемая уже в XX веке, также служит этим целям: ускорению поиска информации, проверке восприятия сообществом собственных идей. Такая формализация, реализуемая через создание баз данных и индексов цитирования, оказывается своего рода визуализацией результатов научной деятельности, самой научной коммуникации. Однако эта визуализация может использоваться *внешним другим*. Во-первых, учеными, изучающими науку, картографирующими ее развитие и современное состояние¹⁹. И, во-вторых, управляющими структурами, использующими формализованные показатели в научном менеджменте в качестве средства оценки эффективности научных исследований. Важно подчеркнуть, что не только в первом, но даже во втором случае использование такой визуализации научной деятельности может осуществляться в интересах научного сообщества. Так, исследователи отмечают, что разработки В. Налимова относительно формализации науки как информационной системы предполагались автором не в последнюю очередь для того, чтобы стать заменой субъективным командно-административным методам управления наукой²⁰. Но подобное использование при определенных условиях приобретает форму *внешнего* требования и в качестве такового воспринимается научным сообществом²¹.

Эти два образа представляют путь отчуждения эффективности с точки зрения научного сообщества. Оказывается, что в самой научной деятельности присутствуют условия подобного отчуждения: необходимость пусть относительного, но завершения исследования, а также использование формализованной сети научных публикаций. Можно привести дополнительные аргументы внешней науке субъектов. Во-первых, потребность государства в управлении наукой, возрастающую соразмерно ее превращению в основную производительную силу общества и актуализации неоднозначности последствий научной деятельности²². Во-вторых, необходимость простого и универсального средства оценки значимости исследований, позволяющего, не вникая в их сложность и вариативность, выстраивать ожидания, формировать заказы, распределять финансирование, контролировать результаты²³. В-третьих, готовность общества (сохраняющаяся по сей день) воспринимать количественные соотношения как адекватный способ определения значимости во всех областях деятельности, начиная с экономики и заканчивая определением качества жизни.

На пересечении этих внутренних и внешних тенденций и аргументов находится наукометрическая репрезентация науки. Несмотря на то, что в процессе управления наукой используются не только количественные показатели, связанные с наукой как информационной системой, именно они оказываются в центре проблемы. Данная репрезентация одновременно и соединяет науку и иных участников научной коммуникации, в том числе заинтересованных в науке социальных субъектов, и разъединяет их, представляя собой простое и универсальное

¹⁹ См. об этих задачах, стоящих перед современной наукометрией как наукой о науке: *Garfield E.* From the Science of Science to Scientometrics Visualizing the History of Science with HistCite Software // *Journal of Informetrics*. 2009. N 3. P. 173–179.

²⁰ Об этом использовании, о проблемах командно-административного управления наукой, а также об альтернативном менеджменте, способствующем достижению эффективности научных исследований см.: *Граиновский Ю. В.*: 1) Можно ли изменить науку? Исследования В. В. Налимова по наукометрии // *Науковедение*. 2000. №1. С. 160–183; 2) Выходить или остаться. О выходе из кризиса российской науки // *ТрВ-Наука*. Гайд-парк онлайн. 30 мая 2016 г. URL: <http://trv-science.ru/2016/05/30/vykhodit-ili-ostatsya/> (дата обращения: 20.12.2017); *Хайтун С. Д.* Номенклатура против России. Эволюционный тупик. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 728 с.

²¹ Описание трех функций научной публикации, см.: *Москалева О. В.* Научные публикации как средство коммуникации, анализа и оценки научной деятельности // *Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологий* / М. А. Акоев, В. А. Маркусова, О. В. Москалева, В. В. Писляков. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. С. 110–163.

²² См. об этом подробнее главу 2 настоящей монографии.

²³ *Эриштейн Л. Б.* Индекс цитирования как способ разрушения науки в России и мире. С. 101.

средство управления, заслоняющее для научного менеджмента существо исследовательской деятельности, провоцируя тем самым кризис институциональных взаимодействий.

Концептуальное основание проблемы

Для того чтобы описание указанной трансформации – становления *внешним* требования эффективности и наукометрии разделяющей границей – было строгим и, кроме того, допускающим выяснение условий выхода из кризиса, ею спровоцированного, мы предлагаем использовать два концептуальных каркаса, определяющих одно и то же событие.

Первый – теория превращенных форм в том смысле, в котором она возникает в текстах К. Маркса и получает концептуализацию в качестве методологии социальных и гуманитарных наук у М. К. Мамардашвили²⁴. Случаи конструктивного применения методологии анализа превращенных форм связаны с принципиальным несовпадением описаний наблюдения сложной системы *извне* и *изнутри*, а также с теми ситуациями, когда форма *внешнего проявления* начинает функционировать отдельно, по своим правилам, заслоняя доступ к тому содержанию, общественным отношениям, которые скрываются за нею. Е. Ю. Завершнева пишет о таком отношении к предметности в психологии и, соответственно, о возможности использования подобной методологии в анализе психических феноменов. При этом отмечаются те элементы концепта *превращенной формы*, которые оправдывают подобное использование. «1) Ведет самостоятельное квазисуществование; 2) восполняет пропущенное звено в системе, обеспечивает ее стабильность; 3) в обыденном сознании действует непосредственно как конечная, не разложимая далее реальность, не исчезающая даже после раскрытия ее механизмов, если сама система не претерпевает изменений; 4) выступает в качестве отправного момента дальнейшего развития системы и индуцирует поле возможных действий, поле понимания, одновременно создавая и области непонимания, недоступные сознанию; 5) исчезает только в процессе развития системы, сменяясь другими формами, либо вместе с распадом всей системы»²⁵.

Сложно не заметить, что наукометрическая формализация научной коммуникации и публикационной активности имеет схожие функции. Она ведет квазисамостоятельное существование, оказываясь существенным аргументом в процедурах принятия решений относительно финансирования научных исследований и кадровых вопросов, обеспечивая тем самым *определенную* стабильность системе управления²⁶. Существенно, что ее воспринимают как

²⁴ К. Маркс, при анализе того превращения, которое происходит с понятием стоимости при обозначении его выражением «стоимость туда», замечает: то, что «вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии» (*Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 547*). Принципиальным для Маркса оказывается научное раскрытие форм проявления, а также скрытого за ними существенного отношения, которое проявляется (Там же. С. 552). Однако именно М. К. Мамардашвили, и это отмечают исследователи современных рецепций марксизма, изолирует выражение «превращенная форма» в качестве философской категории и развивает ее в перспективе метода анализа «необходимости иррациональных выражений» ((Mis)readings of Marx in Continental Philosophy / eds J. Habjan, J. Whyte. Springer, 2014. P. 73–75). В контексте нашего исследования хотелось бы обратить внимание на один важный момент: превращенная форма артикулирует две сферы – сферу производства и сферу калькуляции, одна из которых сверхдетерминирует другую (Ibid. P. 74). В нашем контексте также следует говорить о таких двух сферах – сфере производства научного знания, имеющего результатом публикацию, и квантитативной сфере измеряемой эффективности.

²⁵ Завершнева Е. Ю. Превращенные формы в теории архетипов К. Г. Юнга // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 70–77.

²⁶ Определенность стабильности присутствует в той мере и до тех пор, пока присутствует конструктивность взаимодействия научного менеджмента и научного сообщества, а также признание всеми участниками процесса производства научного знания закономерности *превращения* отношений этого производства. Сбой стабильности, по словам Мамардашвили, дает себя знать в ситуациях кризиса (*Мамардашвили М. К. Превращенные формы (о необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 325*). Именно такая ситуация складывается сейчас. Связана она с провалами научной политики, использующей превращенные формы как основание управления исследованиями, с более или менее выраженным противостоянием научного сообщества и менеджмента, с сопротивлением ученых единой системе оценки собственной деятельности, которую не спасает бесконечная работа над уточнением показателей. О низком уровне признания научных и образовательных реформ в современной России см.: *Khvatova T., Dushina S. To Manage or Govern? Researching the Legitimacy of NPM-based Institutional Reforms in Russian Universities // Journal of Management Development.*

самостоятельный элемент не только те субъекты общественных отношений, которые считаются аутсайдерами, но и сами ученые. Различного рода «игры с показателями» являются симптомом иррационального характера этой формы: любое *изнутри* становится сложно реализуемым. Четвертый элемент раскрывает роль превращенной формы в последующем развитии системы взаимодействий субъектов, заинтересованных в большей или меньшей степени в результатах научной деятельности. При ее использовании в управлении наукой ряд существенных областей такого поля научных взаимодействий – достаточная обеспеченность материальными ресурсами для конкретных исследований, условия научной коммуникации, свободное время и гарантии стабильности работы, новизна как базовый мотив исследования – порой остаются без должного внимания, вытесняются в качестве незначительных. Третий и пятый элементы говорят о возможной трансформации системы, необходимым, но не достаточным условием которой является раскрытие механизма превращения.

Современная наука как социальный и культурный феномен представляет собой сложную систему общественных взаимосвязей, различным образом воспринимаемую *изнутри* и *извне*. Такое различие конституирует проблему эффективности научных исследований и оправдывает применение к ее исследованию методологии анализа *превращенных форм*. Три следствия определяют конструктивность применения этого концептуального аппарата. Во-первых, хотя раскрытие механизма превращения само по себе не приводит к изменению системы, оно позволяет конкретизировать это изменение, связывая его с выведением на свет того, что считалось ранее вытесненным, неучтенным, а также с трансформацией превращения, в стремлении его устранить или уменьшить. Во-вторых, становится очевидным, что субъектом изменения системы может и должно быть сообщество (общественный класс), осознающее свою собственную деятельность как скрытое основание превращения и признающее закономерность механизмов превращения – актуализации *внешнего* в культуре. В-третьих, идея М. К. Мамардашвили о «необходимости превращения» указывает на то, что проблема не является случайной и будет воспроизводиться в дальнейшем.

Второй концептуальный каркас, который можно использовать для прояснения проблемы эффективности научных исследований, не противоречит предыдущему, но дополняет его. Он связан с так называемым кризисом научных репрезентаций. В общих чертах указанный кризис, попадающий в поле внимания современных социальных исследований науки, раскрывается следующим образом. Научная деятельность включает в себя процесс и его результат – знание, представленное в той или иной форме: образа, понятия, идеи, нарратива. Научную репрезентацию следует толковать и как глагол, обозначающий процесс производства или даже сотворения знания, и как существительное, определяющее то, что получается в итоге научной деятельности²⁷. В первом случае речь идет о событиях взаимодействия большого количества заинтересованных и осознающих эту заинтересованность агентов и элементов реальности – ученых и дилетантов, ожидающей результатов публики и заказчиков различного рода, уже имеющих знания, а также вопросов и выдвигаемых гипотез, технических устройств, и иных материальных ресурсов. Во втором случае репрезентация может быть понята уже как завершенное «отражение реальности». При этом она, представляя за реальность, содержит в себе опасность ее подмены и замещения – возникновения кризиса. Г. Маркус и М. Фишер, используя концепт кризиса репрезентаций для характеристики современных исследований в гуманитарных науках, определяют его «как разворот маятника от того периода, в котором парадигмы или обобщающие теории относительно безопасны, к тому, когда они теряют свою легитимность

2017. Vol. 36. N 2. P. 250-267.

²⁷ О том, что репрезентацию следует трактовать в двух взаимосвязанных смыслах – как глагол и как существительное, см.: Cummins R. Meaning and Mental Representation. Cambridge: MIT Press, 1991. 180 p. Хотя в данной работе проблема репрезентаций рассматривается в контексте философии сознания, разделяясь на философскую проблему, где репрезентация понимается как процесс, и научную, где она – результат процесса, мы полагаем, что в научном познании присутствует то же различие.

и авторитет. Когда теоретический интерес обращается к проблемам интерпретации деталей реальности, ускользающей от способности доминирующих парадигм описывать и объяснять ее»²⁸. Опасность замещения становится актуальной тогда, когда главенствующая теория перестает представлять реальность во всей ее полноте, что, в свою очередь, препятствует дальнейшему развитию научного познания.

Так понятый кризис научных репрезентаций или репрезентативизма провоцирует появление нерепрезентативистских концепций научного знания, предполагающих, что работа с представлением реальности не определяет науку по существу²⁹. Однако, так же как и в случае проблемы научной эффективности, проблематичность репрезентаций должна быть удержана. Признание того, что репрезентации, с одной стороны, необходимы в науке, а с другой – содержат опасность утраты собственной функции *представительства*, мотивирует искать причины кризиса и определять условия выхода из него с сохранением их значимого статуса. Два взаимосвязанных момента одновременно проясняют существо кризиса и указывают путь выхода. Во-первых, именно догматически принятый универсализм препятствует продолжению работы над более полной репрезентацией реальности. Этот момент не означает необходимости признания множественности представлений, что в философии науки всегда ассоциируется с недопустимым релятивизмом, но трактует единство как идеал, движение к которому никогда не завершается. Во-вторых, существо репрезентации, утрачиваемое в ситуации кризиса, – есть способность служить посредником между реальностью и познающими ее субъектами³⁰. Соответственно, выход из кризиса представляет собой критику догматизма единого представления реальности и работу над восстановлением его медиального статуса.

В нашем случае проблемы научной эффективности речь идет о представлении науки посредством формализованной сети публикаций. Форма такого представления первоначально разрабатывается в наукометрии и используется в исторических и социальных исследованиях науки. Но она перестает быть посредником между всеми действующими субъектами, в той или иной степени заинтересованными в производстве научного знания, когда становится универсальным орудием управляющих наукой структур, заслоняя от них репрезентируемое – саму научную деятельность. Это орудие используется односторонне, без внимания к условиям производства результатов и к интересам научного сообщества. В итоге актуализируется противоречие интересов или кризис в системе научных институциональных взаимодействий, создающий препятствия развитию науки. Применение теории научных репрезентаций в качестве концептуального каркаса исследования проблемы эффективности также оказывается конструктивным, поскольку позволяет раскрыть механизм кризиса наукометрической репрезентации науки и продемонстрировать пути выхода из него.

²⁸ *Marcus G. E., Fischer M. M. I. Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences.* Chicago; London: University of Chicago Press, 1986. P. 12.

²⁹ *Trift N. Non-Representational Theory.* London; New York: Routledge, 2008; *Non-Representational Methodologies. Re-envisioning Research / ed. by Ph. Vannini.* New York; London: Routledge, 2015; *Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth.* New York: Cambridge University Press, 1991.

³⁰ О медиальном статусе научных репрезентаций и о стратегиях его восстановления см.: *Representation in Scientific Practice Revisited / eds. by C. Coopmans, J. Vertesi, M. Lynch, S. Woolgar.* Mass.: MIT Press, 2014.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.